

Драгомировская дивизия перед Русско-турецкой войной 1877–1878 гг.

Станислав Юдин

Dragomirov's division before the Russo-Turkish war of 1877–1878

Stanislav Yudin

(Lomonosov Moscow State University; Moscow Technological University, Russia)

В современной историографии оценка военных преобразований 1860–1870-х гг. всё чаще связывается с их влиянием на боеспособность русской армии, проверкой которой стала война 1877–1878 гг.¹ При этом особый интерес представляет влияние идей и институтов эпохи реформ на состояние и действия конкретных частей и соединений. И тут нельзя не обратить внимание на деятельность М.И. Драгомирова (1830–1905) – одного из наиболее известных и авторитетных военных теоретиков 1860–1870-х гг., имевшего возможность осуществить свои замыслы и при подготовке и обучении войск в мирное время, и непосредственно в боевой обстановке. В 1873 г. генерал-майор Драгомиров принял начальство над 14-й пехотной дивизией, прославившейся затем на Балканах: 15 июня 1877 г. под командованием Драгомирова она успешно форсировала Дунай, а в августе–декабре вынесла основную тяжесть боёв на Шипкинском перевале.

Неудивительно, что опыт Драгомировской дивизии рассматривался и современниками², и позднейшими исследователями³. Между тем в советской историографии он практически не учитывался, историки предпочитали обобщённо говорить о подготовке всей русской армии к войне с Османской империей, одновременно возлагая на Драгомирова значительную долю ответственности за её неэффективность⁴. Схожие оценки нашли отражение и в зарубежной историографии⁵. Однако выяснить степень их обоснованности невозможно без детального анализа условий, логики и результатов деятельности Драгомирова в середине 1870-х гг.

© 2017 г. С.С. Юдин

¹ Айрапетов О.Р. Испытание войной: реформы и вооружённые силы России и Турции в 1860–1870-е гг. // Российская история. 2016. № 6. С. 15–27. См. также: Bushnell J.S. Miliutin and the Balkan War: Military Reform vs. Military Performance // Russia's Great Reforms, 1855–1881 / Ed. by Eklof B., Bushnell J., Zakharova L. Bloomington, 1994. P. 139–158 (русский перевод: Бушнелл Дж. Д. Милютин и Балканская война: испытание военной реформы // Великие реформы в России. 1856–1874 / Под ред. Л.Г. Захаровой, Б. Эклофа, Дж. Бушнелла. М., 1992. С. 239–259).

² Г.Б. Лагерный сбор под Бендерами // Военный сборник. 1875. № 1. С. 33–51; Г.Б. О занятиях войск в общем сборе под Бендерами в 1875 году // Там же. № 12. С. 125–155.

³ Макшеев Ф. Хозяйственный быт 14-й пехотной дивизии в войну 1877–1878 гг. // Военный сборник. 1901. № 1–3; Моторный И.Г. Виноват ли М.И. Драгомиров в наших поражениях // Разведчик. 1907. № 873. Свечин А.А. Эволюция военного искусства. М.; Жуковский, 2002. С. 608–612.

⁴ Беляев Н.И. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. М., 1956. С. 49.

⁵ Menning B.W. Bayonets before bullets: the Imperial Russian Army, 1861–1914. Bloomington; Indianapolis, 1992 (русский перевод: Меннинг Б.У. Пуля и штык: Армия Российской империи, 1861–1914. М., 2016. С. 61–79).

Драгомиров вступил в командование 14-й пехотной дивизией 9 мая 1873 г. Летом она поменялась местами дислокации с 15-й дивизией и оказалась в Бессарабии. В её состав входили четыре пехотных полка трёхбатальонного состава (53-й Волынский, 54-й Минский, 55-й Подольский и 56-й Житомирский). В каждом батальоне было по пять рот. В зависимости от времени года и насущных потребностей расквартирование частей менялось, но не существенно. Так, в 1876 г. десять рот Волынского полка находились в Кишинёве, пять рот — в Миренах (18 вёрст от Кишинёва). В Кишинёве же стояли шесть рот Минского полка, а девять рот располагались по деревням в 10–20 верстах от города. Штаб и четыре роты Подольского полка размещались в Тирасполе (остальные роты квартировали по деревням в 9–20 верстах), штаб и восемь рот Житомирского полка — в Бендерах (ещё две роты занимали казармы в Бендерской крепости, остальные были распределены по деревням и предместьям в 3–8 верстах)⁶. Половина дивизии (30 рот) не имела собственных казарм, что значительно затрудняло процесс обучения.

Летние сборы проходили под Бендерами. При этом место для лагеря было приобретено в низине, что в дождливую погоду приводило к его частичному подтоплению и в 1873–1875 гг. заставляло иногда даже приостанавливать занятия. В 1874–1875 гг. солдаты работали над оборудованием лагеря и приведением его в порядок, хотя, конечно, проблему подтопления поля решить не удалось⁷.

Новый начальник сразу же столкнулся с тем, что тактическая подготовка офицеров оставляла желать лучшего. Как вспоминал бывший подпоручик Минского полка И.Г. Моторный, Драгомиров, впервые приехав в часть, обнаружил, что ротные командиры не смогли решить даже простую тактическую задачу. «После этого генерал собрал всех офицеров, — писал Моторный, — и сказал: “В незнании я вас не виню, вас не учили; теперь будем учиться тому, что от нас потребуется на войне”»⁸. Затем он провёл собеседования, спрашивая каждого, до ротных командиров включительно: «Имеется ли жалоба или претензия?», «Читаете план?» (далее следовало несколько вопросов по полуверстовому плану и предлагалась тактическая задача), «Сколько долгов частных и сколько в офицерский капитал?», в конце проверялось знание караульного устава⁹.

Работе с офицерами Драгомиров неизменно уделял большое внимание. По свидетельству Моторного, в первые два года командования Михаил Иванович «при инспекторских смотрах положительно каждому офицеру предлагал в своём присутствии решить тактическую задачу на плане и несколько в поле, во время лагеря... Подобные же задачи он задавал решать и в поле и всегда спрашивал, почему задача решена так, а не иначе, и когда получал объяснения, то всегда оставался доволен, хотя зачастую с решением не соглашался, добавляя, “а я бы решил так-то, потому-то”. Если же решающий не отвечал, почему он решил задачу так, а не иначе, то Михаил Иванович приходил в раздражение, крича: “Вы и не подумали, решая её, а так себе

⁶ Сборник материалов по Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Балканском полуострове. Вып. 5. СПб., 1898. С. 42–43.

⁷ Г.Б. Лагерный сбор под Бендерами. С. 34–35; Г.Б. О занятиях войск... С. 125, 127, 135, 142.

⁸ Моторный И.Г. Указ. соч. С. 410.

⁹ Там же.

наугад”, и сейчас же решающего высылал из комнаты, а если задание происходило в поле, то он недовольный отъезжал к другой роте»¹⁰.

Подобное обучение полностью соответствовало предписаниям Военного министерства. Обязательные тактические занятия офицеров во всех частях войск начались после приказа министра в 1865 г., хотя сперва речь шла в основном о черчении планов. В 1875 г. новый приказ требовал уже «систематических упражнений офицеров в решении письменных и устных тактических задач на планах» и «практических упражнений офицеров в поле». В некоторых частях к этому приступили ещё раньше. Так, например, в Одесском военном округе, к которому принадлежала 14-я пехотная дивизия, данное требование стало обязательным ещё в 1871 г.¹¹, хотя и в 1873 г. офицеры не могли его выполнить.

Решение тактических задач должно было выработать у офицеров глазомер и готовность к инициативным действиям. И то и другое отрабатывалось на манёврах. По распоряжению Драгомирова, любой начальник «обязан был на манёврах, если видел, что в своём отряде произошла ошибка, или противник сделал промах, без всякого указания высшего начальства, немедленно принять меры к исправлению ошибки, или принять такое решение, чтобы ещё больше затруднить положение неприятеля, и в то же время о принятом решении донести ближайшему своему начальнику»¹². Развитию инициативности способствовало и отношение Драгомирова к ошибкам своих подчинённых: «Им постоянно твердилось, что ошибка ничего не значит, если для её исправления офицер, нисколько не теряясь, выйдет и спокойно скамандует, что следует»¹³.

Вместе с тем Драгомиров не ограничивался развитием тактической грамотности. Ещё накануне введения всеобщей воинской повинности в 1874 г. Михаил Иванович напоминал в своих «Армейских заметках»: «Теперь бытовые условия нашего общества изменились, да и в воинском организме переворот полный: весьма мало учителей, весьма много учеников, обучение усложнилось до того, что делавшееся прежде годами теперь нужно поспевать делать месяцами, иногда днями»¹⁴. А «в таком положении успех возможен только при соблюдении двух условий: *строгой иерархизации занятий*, *соображённого с нею распределения времени и рационального метода занятий* (выделено Драгомировым. — С.Ю.)»¹⁵. В деле подготовки своей дивизии генерал не был особенно скован, поскольку до 1880-х гг. в русской армии отсутствовали обязательные программы обучения, проведения лагерных сборов и т.п., с 1871 г. существовал лишь «Проект инструкции для полевых занятий войск», который был дан «в форме общих указаний-пожеланий» и постоянно дополнялся¹⁶.

¹⁰ Там же. С. 410–411.

¹¹ Описание Русско-турецкой войны 1877–78 гг. на Балканском полуострове. Т. 1. СПб., 1901. С. 147–150.

¹² Моторный И. Г. Указ. соч. С. 410–411.

¹³ Г. Б. О занятиях войск... С. 127.

¹⁴ Сборник оригинальных и переводных статей М. Драгомирова. Т. 2. СПб., 1881. С. 2.

¹⁵ Там же. С. 4.

¹⁶ Гареев М. А. Общевоинские учения. М., 1983. С. 54. Описание Русско-турецкой войны 1877–78 гг. ... Т. 1. С. 157–158.

В 14-й пехотной дивизии ротный командир обязан был составлять программы обучения, выстраивая планомерный процесс подготовки, и предъявлять их Драгомирову при его инспекторских поездках¹⁷. Но помимо формального контроля существовал и неформальный: начальник дивизии постоянно приглашал командующих ротами и субалтерн-офицеров на обед для более близкого знакомства. Те, кто соответствовал предъявляемым требованиям, выдвигались, в том числе и в обход более старших товарищей. Тот же Моторный, будучи подпоручиком, получил в командование роту, тогда как другие штабс-капитаны и поручики оказались обойдены, «страшно обиделись и хотели принести жалобу на Драгомирова, но так и не жаловались»¹⁸.

Одной из ключевых идей Драгомирова было максимальное приближение учений к реальным боевым условиям. Например, постоянно составлялись сводные роты и батальоны военного состава (до 58 рядов во взводе). «Тут выяснилось, насколько труднее командовать ротой военного состава, — отмечалось в отчёте о лагерном сборе, — и в какое затруднительное положение становится тот, кто привык, как говорится, сидеть на роте»¹⁹. Дабы научить проявлять инициативу в бою, требовалось, «чтобы начальник указывал своим подчинённым цель действия, предоставляя им свободу относительно применения формы»²⁰. Отдание приказаний чётко контролировалось, вплоть до того, что намеренно посылались фальшивые ординарцы с несуразными распоряжениями от неизвестных начальников²¹. Кроме того, «обращено было внимание на то, чтобы за выбытием из строя ротного командира тотчас же принимал команду старший, не ожидая на то особого приказания»²². Всё это было направлено на то, чтобы бой под воздействием неизбежных случайностей не вышел из-под контроля начальствующих лиц.

Пример с фальшивыми ординарцами показывает, насколько неистощим был Драгомиров на разные выдумки и уловки, тренируя внимание и постоянно настаивая на бдительности всех участников учений от командующих до рядовых. Применялось также переименование команд²³, посылка офицеров, провоцировавших на нарушение устава караульной службы, постовым и разъездам следовало записывать информацию о проезжающих, вплоть до масти лошадей в экипаже, искать специально оставленные предметы и т.п.²⁴

В историографии часто указывалось, что перед войной 1877—1878 гг. под пагубным влиянием Драгомирова в русской армии уповали преимущественно на силу штыкового удара и недооценивали возможности ведения огня²⁵. Но как сочетались огневая и ударная тактики в ходе обучения 14-й пехотной дивизии и почему именно таким образом?

В 14-й дивизии было заведено, что в конце каждого манёвра маневрировавшие врываются в строй противника и проходили его насквозь, изображая тем самым удар в штыки²⁶. Это правило приучало солдат к пониманию того,

¹⁷ Г.Б. О занятиях войск... С. 145.

¹⁸ Моторный И.Г. Указ. соч. С. 410—411.

¹⁹ Г.Б. Лагерный сбор под Бендерами. С. 35.

²⁰ Там же. С. 42.

²¹ Там же. С. 45—46.

²² Там же. С. 37.

²³ Там же. С. 36—37; Г.Б. О занятиях войск... С. 127—128.

²⁴ Г.Б. О занятиях войск... С. 138.

²⁵ Беляев Н.И. Указ. соч. С. 49; Меннинг Б.У. Указ. соч. С. 68.

²⁶ Г.Б. О занятиях войск... С. 149.

что бой завершается именно штыковой атакой. Другие положения драгомировской теории должны были дестимулировать бессмысленную пальбу. В «Опыте подготовки частей к бою» Михаил Иванович писал, что «стрельба по одиночным людям на расстоянии от 1 200—300 шагов более причинит пустой траты патронов нам, чем вреда неприятелю»²⁷, и рекомендовал открывать огонь с этих расстояний, только если неприятель представляет сомкнутую массу или группу людей. Солдатам следовало постоянно напоминать о необходимости сбережения патронов²⁸, вплоть до того, что во время мобилизации 1876 г. фельдфебели дивизии обязаны были ежедневно при переключке повторять: «Береги пулю; выпустишь издалека, вблизи стрелять нечем будет, а тут-то и стрельба. Стреляй редко, да метко, штыком коли крепко»²⁹. В хрестоматийном приказе перед Систовской переправой 15 июня 1877 г. Драгомиров предписывал: «Патроны беречь, хорошему солдату 30 патронов достанет на самое горячее дело»³⁰.

Вместе с тем Михаил Иванович неустанно повторял, что «пуля и штык не исключают, но дополняют друг друга; первая прокладывает дорогу второму, и упускать из вида ту либо другой одинаково нерационально, и рано или поздно, но неминуемо ведёт к катастрофам»³¹. В 1866 г. в записке по тактике, в значительной степени, если не полностью, составленной Драгомировым, говорилось: «Хотя значение огня в настоящее время увеличилось, но это не могло уменьшить значения штыка, а потому комиссия пришла к единогласному заключению, что распространению в войсках мысли об уменьшении значения штыка, как крайне вредной, должно противодействовать всеми силами»³². Драгомиров, как и многие его современники, опасался, что наметившаяся тенденция представлять штыковые атаки чем-то совсем невозможным при стремительно совершенствовавшемся в 1860—1870-х гг. стрелковом оружии, может лишить войска порыва и энергии и сделает их неспособными к наступлению, и тогда бой вырождается, в лучшем случае, в бесцельные изнурительные перестрелки.

Об этой опасности предупреждало ещё поколение ветеранов Наполеоновских войн³³. Один из них — маршал Франции Т.-Р. Бюжо, весьма почитавшийся Драгомировым, призывал не допускать бесцельной стрельбы и экономить патроны: «Во многих случаях после получасовой стрельбы и ещё до того, как достигнут какой-либо успех, вы отовсюду слышите громкие жалобы на то, что патроны кончаются; чтобы пополнить их, солдаты покидают боевой порядок, а это часто приводит к поражению. Для самого крупного сражения должно хватить шестидесяти патронов на солдата»³⁴. Как видно, Драгомиров почти дословно заимствовал эту фразу, сбавив «норму» в два

²⁷ М. Драгомиров]. Опыт руководства для подготовки частей к бою. Ч. 1. Подготовка роты. Киев, 1871. С. 10—11.

²⁸ Г.Б. Лагерный сбор под Бендерами. С. 43—44.

²⁹ Сборник материалов по Русско-турецкой войне... Вып. 5. С. 53.

³⁰ Там же. Вып. 23. СПб., 1899. С. 47—48.

³¹ Сборник оригинальных и переводных статей М. Драгомирова. Т. 1. СПб., 1881. С. 295.

³² РГВИА, ф. 868, оп. 1, д. 817, л. 12.

³³ Rogniat J. Considérations sur l'art de la guerre. Paris, 1816. P. 402; Bugeaud T.-R. Aperçus sur quelques details de la guerre avec des planches explicatives. Paris, 1861. P. 176; Bugeaud T.-R. Œuvres militaires de maréchal Bugeaud duc d'Isly. Paris, 1883. P. 45.

³⁴ Bugeaud T.-R. Œuvres militaires... P. 45. Цит. по: Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. Т. 15. М., 2014. С. 275.

раза — до 30 патронов. Это было вызвано, прежде всего, страхом перед полным расходом боекомплекта, составлявшего в 1877 г. в русской армии 60 патронов на пехотинца, и желанием сохранить контроль над его огнём. И то и другое подкреплялось опытом Франко-прусской войны 1870—1871 гг. Тогда французские солдаты стреляли «вовсе не прицеливаясь», расходовали весь свой боекомплект в 100 патронов и то, что было взято у убитых и раненых³⁵. Настаивая на значении штыка, Драгомиров старался обеспечить себе и своим офицерам контроль над войсками, владеющими дисциплиной огня и способными в нужный момент броситься в атаку.

В целом, принципы, на которых строилось образование и воспитание 14-й пехотной дивизии, требовали от командующих (и прежде всего командиров рот) инициативы и готовности к неожиданностям боя, а от нижних чинов — дисциплины и самоотверженности. К сожалению, внутренние взаимоотношения в 14-й дивизии слабо отражены в источниках, и судить о них затруднительно. Так, Моторный видел в Драгомирове «незабвенного учителя» и выступил в 1907 г. со статьёй в защиту его памяти. Р.П. Липранди вспоминал о реакции офицеров дивизии на ранение Михаила Ивановича на Шипке в 1877 г.: «Печаль наша была невыразима; всем хотелось взглянуть на горячо любимого человека, но благоразумие, чтобы не тревожить страдальца, удержало»³⁶.

Однако есть основания полагать, что не все были довольны методами нового начальника. В 1898 г. был опубликован сатирический рассказ «Генерал Онагренько», о котором генерал М.И. Батянов писал гр. И.И. Воронцову-Дашкову: «Там описывают Драгомирова, когда он был начальником дивизии»³⁷. Действительно, прототип «Потапа Ивановича Онагреньки» угадывался безошибочно: «Говорили, что инспектирующий “свиристует”, задаёт какие-то “задачки” (задачек этих почему-то офицерство в особенности боялось, и больше всех люди старые, с сединой). Болтали, что будто бы тех, кто не поймёт или не тотчас решит задачку, Онагренько “уничтожает”». При этом «бригадный командир» Онагренько изображался склонным к пьянству и обжорству, грубым, двуличным, заискивающим перед солдатами и местными помещиками, но придиричивым к офицерам и применяющим «иезуитские» приёмы, добиваясь внимательности и дотошности в исполнении караульной службы. Поощряя анонимные доносы, он даже держал для них специальный портфель и завёл особую книжку, где записывал промахи офицеров³⁸.

Тем не менее есть основания полагать, что подготовка «драгомировской» дивизии была успешной. Это отмечалось ещё на предвоенных смотрах, проводившихся командующими Одесским военным округом генералом от инфантерии гр. П.Е. Коцебу и генерал-адъютантом В.С. Семёкой. До Драгомирова начальником 14-й дивизии не менее 13 лет являлся генерал-лейтенант В.С. Козловский. Судя по отчётам гр. Коцебу, она не выделялась тогда на фоне других соединений округа, а «занятия грамотностью в 14-й

³⁵ Зедделер Л.Л. Пехота, артиллерия и кавалерия в бою и вне боя в Германско-французской войне 1870—1871 годов // Военный сборник. 1872. № 7. С. 38—39. Зедделер после войны высказывал мысль, что 60 патронов — недостаточная норма: Зедделер Л.Л. Несколько практических выводов из нашей последней войны // Военный сборник. 1878. № 5. С. 68.

³⁶ Липранди Р. От Систова до Габрова // Военный сборник. 1902. № 4. С. 54.

³⁷ ОР РГБ, ф. 58, ч. 1, к. 8, д. 30, л. 5.

³⁸ Дусский К. Генерал Онагренько // Наблюдатель. 1898. № 3. С. 182—214; № 4. С. 154—185.

дивизии были слабее прочих, и общие результаты были бы ещё ниже, если бы не Минский полк, в котором занятия эти получили должное развитие»³⁹. В сентябре 1873 г., когда Драгомиров командовал ею всего четыре месяца, состоялся очередной смотр, после которого временно командовавший округом Семека констатировал, что «в общем значении исполнение [тактических задач на местности] было осмысленно и распоряжения в большинстве правильные; но в частностях ошибки замечались при каждом решении»⁴⁰. В 1875 г. прогресс стал уже очевиден. «В прошлом году, — отмечал Семека, — на смотре цельной стрельбы результаты её в 14-й пехотной дивизии были неудовлетворительные: в общей сложности они не достигали хорошей оценки; в течение же года занятия стрельбой, видимо, производились так старательно и так отчётливо, что успехи за год оказались весьма значительные». Бросалась в глаза находчивость и самостоятельность чинов дивизии. «С истинным удовольствием я видел, как каждый батальонный и ротный командир, без всякой суеты, самостоятельно и толково распоряжается частью, — писал Владимир Саввич. — Могли быть ошибки и недосмотры (их было однако немного), но где же их и не бывает. Особенно важно то, что каждый начальник проникся обязанностью — самостоятельно командовать частью, скоро обдумывать, что ему надо делать, и в большинстве случаев — обдумывать правильно. С такими задатками обучения боевое развитие войска обеспечено. На этих же батальонных учениях я любовался находчивостью и сметливостью офицеров и солдат при всякой неожиданности»⁴¹. Видимо, к 1875 г. Драгомиров сумел «подтянуть» довольно средние части. Смотр августа 1876 г. упрочил заслуженную репутацию⁴².

После объявления мобилизации 2 ноября 1876 г. многие наблюдатели указывали на хорошее состояние 14-й дивизии. Упоминалось о нём и в приказах вел. кн. Николая Николаевича, назначенного главнокомандующим Действующей армии⁴³. Прибыв в Кишинёв в ноябре 1876 г., он расспрашивал Драгомирова о методах подготовки вверенных ему войск, а начальник штаба армии А.А. Непокойчицкий даже предложил составить на основе этого опыта нечто вроде наставления для других командиров⁴⁴. 3 декабря 1876 г. великий князь смотрел Волынский и Минский полки и, как вспоминал Д.А. Скалон, «остался весьма доволен порядком и строем этих частей»⁴⁵. По словам Скалона, «у Михаила Ивановича в дивизии три четверти офицеров умели читать карту и были тактически подготовлены»⁴⁶. Граф Воронцов-Дашков, оставивший неоконченный, но обещавший быть весьма резким дневник, описывая объявление войны в Кишинёве 12 апреля 1877 г., признавался: «Должен сказать, хороша Драгомировская дивизия»⁴⁷.

Неудивительно, особенно учитывая доверие к Драгомирову вел. кн. Николая Николаевича, что именно 14-я дивизия была избрана для

³⁹ Сборник материалов по Русско-Турецкой войне... Вып. 21. Ч. 2. СПб., 1903. С. 210.

⁴⁰ Там же. С. 186.

⁴¹ Там же. С. 252–253.

⁴² Там же. С. 259–264.

⁴³ Сборник материалов по Русско-Турецкой войне... Вып. 97. СПб., 1911. С. 10–11.

⁴⁴ А[ндреевский] Е.К. М.И. Драгомиров и время перед войной 1877–8 гг. // Русская старина. Т. 137. 1909. № 4. С. 94.

⁴⁵ Скалон Д.А. Мои воспоминания 1877–1878 гг. Т. 1. СПб., 1913. С. 17.

⁴⁶ Там же. С. 18.

⁴⁷ ОР РГБ, ф. 58, ч. 1, п. 129, д. 7, л. 1.

осуществления переправы через Дунай — первой крупной боевой операции русской армии на Балканском театре военных действий. Именно она стала подлинной проверкой «драгомировских» методов подготовки войск.

Сам ход переправы у Зимницы—Систова хорошо известен и подробно описан⁴⁸, однако нельзя не обратить внимание на наиболее характерные моменты боя. Переправа производилась в ночь с 14 на 15 июня, а основные события разворачивались в лесистом овраге ручья Текир-Дере, недалеко от Систова. Ночной бой на пересечённой местности с обильной листвой чрезвычайно затруднял управление бойцами со стороны старших начальников. Импровизация в этих условиях была неизбежна и многое зависело от инициативности и готовности к неожиданностям младших офицеров, т.е. как раз от тех качеств, которые им прививались Драгомировым. Как сказано в отчёте дивизии, «характеристическою чертою боя было то, что первые вступившие в бой части не составляли не только цельных батальонов или рот, но даже взводов; каждая вновь прибывшая часть пристраивалась к первым попавшимся кучкам, и такими-то импровизированными частями-товариществами наши храбрецы, предводимые и руководимые случайными начальниками, без малейшей надежды на близкую поддержку, выдержали славный бой; каждое товарищество зорко следило за тем, что делается у соседей, и как только последние подавались вперёд или им угрожал неприятель, немедленно следовала помощь или производилось передвижение в связи с движением соседей»⁴⁹. Михаил Иванович вместе со штабом прибыл на правый берег Дуная только с третьим рейсом. К тому моменту бой уже шёл не менее трёх часов и, в целом, миновал свою критическую стадию. В том, что части 14-й дивизии сумели самоорганизоваться и обеспечить переправу, сказывалась подготовка, систематически проводившаяся с 1873 г. Как утверждалось в дневнике 54-го Минского полка, «тактические приёмы и ученья в лагере под Бендерами, ведённые ген[ералом] Драгомировым, оправдались блестящим образом»⁵⁰.

Драгомиров, начиная с 1873 г., выстраивал подготовку 14-й пехотной дивизии на основе нескольких ключевых принципов: инициативности младших командиров, готовности к неожиданностям боя, дисциплине огня и решающем значении штыковой атаки. Его работа позволила превратить заурядные части в образцовые и входящие в число самых эффективных боевых единиц Императорской армии. Предвоенная подготовка 14-й дивизии стала важным фактором успеха первой операции русских войск на Балканском театре военных действий, а последующие бои, особенно оборона Шипкин-ского перевала, подтвердили её репутацию.

⁴⁸ См.: Описание Русско-турецкой войны 1877—78 гг. ... Т. 2. СПб., 1901. С. 129—164; *Беляев Н.И.* Указ. соч. С. 116—127; *Генов Ц.* Русско-турецкая война 1877—1878 гг. и подвиг освободителей. София, 1979. С. 17—23.

⁴⁹ Сборник материалов по Русско-Турецкой войне... Вып. 23. С. 85.

⁵⁰ Там же. Вып. 10. СПб., 1902. С. 118.